

УДК 339.96

ЯПОНИЯ – КИТАЙ: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е. Б. Ковригин

Ковригин Евгений Борисович – кандидат экономических наук, профессор. Университет Сейнан Гакуин. Фукуока, Япония. E-mail: ebkovrigin@gmail.com.

Показана выдающаяся роль, которую играла в международных отношениях на Дальнем Востоке японская помощь развитию (ОПР) Китайской Народной Республики, длившаяся с конца 1970-х гг. в течение 30 лет. Приведены данные по объемам ОПР, которая способствовала превращению Китая в ведущего партнера Японии по линии внешней торговли и прямых инвестиций, но не сумела обеспечить японское политическое влияние на эту страну. Рассмотрены уникальные особенности и условия японской помощи КНР, ее значение для промышленной и социальной инфраструктуры страны-реципиента, перемены в отношении японского общества к проблеме и другие аспекты. Показана текущая трансформация Китая из получателя помощи от Японии в ее крупного конкурента по линии экономического сотрудничества в странах Африки, Юго-Восточной Азии и в других регионах.

Официальная помощь развитию, ОПР, экономическое сотрудничество, ценовые займы, безвозмездная помощь (гранты), девелопментализм, «безопасность человека», Китай, Япония.

Стремительное экономическое развитие Китая в последние 30 лет в значительной степени опиралось на иностранные инвестиции и заимствованные технологии в экономике и управлении. При этом иностранные инвестиции имели значение не только как финансовый ресурс и основа технологических заимствований, но и как залог интегрированности в мировое сообщество. Одним из существенных, однако малоизученных каналов поступления иностранных инвестиций, прежде всего «залогового характера», являлись инвестиции из Японии, которые предоставлялись в форме официальной помощи развитию (ОПР). Именно эта форма инвестиционной поддержки «китайского экономического чуда» является предметом рассмотрения в настоящей статье.

После Второй мировой войны Япония, обязанная по условиям мирного договора выплачивать репарации жертвам японской агрессии на Тихом оке-

ане, постепенно стала превращаться в донора официальной помощи развитию (*official development assistance, ODA*). Начиная с 1950-х гг., когда ОПР стала играть роль дополнения к послевоенным репарациям, ее размеры непрерывно возрастали, и уже начиная с 1970-х гг. льготные (иеновые, или низкопроцентные) займы и гранты (дары) из Токио превратились в важный источник международного экономического динамизма, в первую очередь в развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона. К началу 1990-х гг. экономическое сотрудничество в форме ОПР стало своего рода визитной карточкой Японии. Японская ОПР принадлежит к числу важнейших феноменов современной истории. С 1954 по 2010 г. 189 суверенных стран и зависимых территорий в то или иное время входили в число бенефициариев японских льготных кредитов и грантов¹. Даже в 1990-х гг., когда западные державы-доноры охватила так называемая «усталость от помощи» (*aid fatigue*), Япония сопротивлялась этой негативной тенденции дольше других стран.

На фоне других реципиентов особое место занимала Китайская Народная Республика, доля которой в общей сумме японской помощи развивающимся странам составила почти 20%. В течение 1979–2008 гг. Китай получил по этому каналу около 45 млрд долл. США (40,5 млрд – в виде долгосрочных займов и 4,5 млрд – в виде грантов). Доля Японии в общем объеме средств, предоставлявшихся Китаю развитыми государствами – членами Комитета помощи развитию (КПР при ОЭСР), превышала 60% (табл. 1). В частности, более 60% иностранных студентов и стажеров, обучавшихся в Японии по линии технического сотрудничества за счет ее правительства, составляла китайская молодежь.

Таблица 1

Показатели двусторонней японской помощи КНР

Показатель	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Объем японской помощи, млн долл.	673,7	832,2	723,0	585,3	1050,8	1350,8	1479,4	1380,2	861,7	576,9
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю, %	56,3	55,6	47,8	46,7	50,6	60,3	61,8	54,5	51,6	46,5
Показатель	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Объем японской помощи, млн долл.	1158,2	1226,0	769,2	686,1	828,7	759,7	964,7	1064,3	569,4	435,6
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю, %	66,6	68,4	61,3	64,1	68,4	66,7	60,8	63,8	49,4	32,7

Источники: [16; 24, р. 61].

¹ Не затронутыми ими оказались лишь КНДР и несколько мелких островных образований, таких как острова Туркс и Кайкос, Сент-Пьер и Микелон и т. д. [21, р. 160].

Сотрудничество Японии и Китая, основанное на стремлении использовать возможности повышения собственной значимости в глобальной и региональной политике, направленной на усиление своего влияния на формирование новой архитектуры международной безопасности и соразвития мира [3, с. 50], было отнюдь не бесконфликтным процессом. И экономическая помощь со стороны Японии являлась одним из важных компонентов, формирующих общую конфликтную среду. Если для Японии ОПР Китаю являлась инструментом экономического и политического влияния, то со стороны Китая она воспринималась как замена военных репараций, а следовательно, с китайской точки зрения, Япония, раз начав предоставлять займы и гранты Китаю, не имела права, во-первых, их приостанавливать и, во-вторых, оказывать политическое давление на Китай [30, р.108].

Данная статья, призванная в некоторой степени сократить дефицит внимания¹ со стороны научной литературы анализу ОПР Китаю со стороны Японии, акцентирует внимание на выявлении узловых моментов двусторонних отношений в контексте ОПР. Анализируется период 1979–2008 гг., который можно разделить на три этапа: первый – энтузиазм и эйфория среди деловых кругов и населения; второй – фаза относительно стабильного инерционного развития; третий – разочарование политическими результатами оказания помощи Китаю, сокращение и фактическое завершение почти всех программ.

ПРОБЛЕМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВОЕННОГО УЩЕРБА КИТАЙСКОМУ НАРОДУ

Японская помощь ведет свое происхождение от послевоенных репарационных платежей, которые начались в 1950-х гг. и которые Япония обязана была выплачивать нациям Тихоокеанской Азии, пострадавшим от ее агрессии. Почти все эти государства тогда только что обрели независимость, и почти все из них впоследствии вошли в состав Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Однако Китай, будучи главной жертвой Тихоокеанской войны, не мог воспользоваться японскими фондами до восстановления дипломатических отношений между Токио и Пекином.

Вплоть до начала 1970-х гг. интересы китайского народа и в ООН, и в Японии официально представлял Тайвань (или Республика Китай), который вполне мог бы претендовать после подписания мирного договора между Японией и Тайванем в 1952 г. на возмещение Японией военного ущерба даже с большим основанием, чем другие территории Тихоокеанской Азии, ибо

¹ Не считая ряда предыдущих статей самого автора, а также краткого обращения к данной тематике Д. В. Стрельцова [4] в учебном пособии для студентов, такому анализу в научной литературе почти не уделено внимания.

он находился под японской оккупацией намного дольше, чем они (1895–1945 гг.). Однако под давлением со стороны США Тайвань отказался от финансовых претензий к бывшей метрополии [29, р. 324]. В разгар быстро набравшей обороты холодной войны США не были заинтересованы в ослаблении Японии. Не случайно сам Чан Кайши обосновывал позднее отказ от репараций тем, что Япония находилась в столь плачевном состоянии, а внешние «красные империалистические силы», намеревавшиеся захватить Японию, были столь сильны, что любые требования со стороны Тайваня, направленные на ослабление Японии, были бы контрпродуктивны [29].

Лишь в 1972 г. при переговорах о нормализации китайское коммунистическое руководство заявило о намерении возобновить отношения с Японией «с чистого листа». При этом Мао Цзэдун отказался от финансовых претензий к Японии, хотя тогдашний премьер-министр Японии Какуэй Танака сам официально признал ответственность Японии за военные «грехи». Официальное заявление китайского руководства о том, что в трагедии Китая в 1930–1940-е гг. виновата только японская военщина, оказалась благом для Японии, избавив ее от угрозы финансового краха, так как КНР могла бы выставить астрономический счет за массовые разрушения и за гибель более 10 млн китайцев от рук японских военных.

Политическое решение китайского руководства «начать с чистого листа» помогло разорвать официальные связи между Японией и «мятежной» китайской провинцией Тайвань и облегчить признание КНР Японией в качестве легитимного члена международного сообщества [2]. Конечно, изоляция Тайваня в то время была важнейшим приоритетом, но китайское общество так и не смогло примириться с этим решением. В дальнейшем Дэн Сяопин открыто назвал решение своего предшественника грубой ошибкой. В 1978 г., когда был подписан китайско-японский договор о мире и дружбе, Дэн Сяопин практически открыто потребовал возмещения ущерба от бывшей державы-агрессора. Японское руководство, со своей стороны, тоже явно понимало необходимость существенной материальной поддержки прагматикам, которые пришли к власти в соседнем государстве.

В декабре 1979 г. премьер-министр М. Охира в рамках так называемой дипломатии подарков предложил Китаю пакет низкопроцентных займов в размере 330 млрд иен (около 1,4 млрд долл.) для выполнения очередного китайского пятилетнего плана (1979–1983 гг.) [20, р. 194]. Характерно, что ни в каких официальных документах связь между несостоявшимися репарациями и начавшейся ОПР не упоминалась. Тем не менее всеми молчаливо понималось, что эта и последующие программы являлись именно суррогатом (заменителем) репараций, причем «дешевым заменителем», как отмечал Г. Кларк, объявивший японскую помощь Китаю «дешевым способом избе-

жать выплаты реальных репараций» [37]. При этом основная часть ОПР финансировалась не из госбюджета, а из специальной Программы финансовых инвестиций и кредитов (*Fiscal investment and loans program*), источником фондов для которой являлись почтово-сберегательные кассы, аккумулирующие сбережения населения [24, р. 71].

РАННЯЯ СТАДИЯ ЯПОНСКОЙ ПОМОЩИ КИТАЮ: ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ

Обычно исследователи связывают предоставление японских финансовых субсидий Китаю с двумя независимыми подходами: геоэкономическим и гуманитарным [23; 40]. В действительности существовало даже не два, а три дискурса.

Во-первых, среди широких кругов японского населения поддержка ОПР Китаю реально основывалась на гуманитарном подходе, другими словами, вытекала из моральных обязательств по отношению к бывшей жертве агрессии. Чувство вины за жестокости в Китае в 1930–1940-х гг. обострялось тем, что с незапамятных времен Срединная империя была главным источником искусства, культуры и религии для японцев. Военные интервенции в страну, которая, в сущности, породила японскую цивилизацию, всерьез воспринимались японскими массами как грубая несправедливость и требовали щедрой компенсации.

Во-вторых, финансовое содействие Китаю рассматривалось как инвестиции, причем инвестиции особой важности [27, р. 7]. С экономической точки зрения, ОПР была предназначена играть роль «смазки» при продвижении и защите собственных японских разнообразных интересов¹. Главной задачей японского делового сообщества стало «новое открытие» Китая. Щедрые трансферты в Китай могли стать основой для превращения его в ведущую экономическую базу за рубежом, как оно и было долгое время до конца Второй мировой войны. Помимо прямого доступа к китайским товарным и инвестиционным рынкам, интересы японских корпораций были связаны с тем, что, во-первых, финансовые инъекции помогут модернизировать архаичную инфраструктуру Китая до уровня, приемлемого для крупномасштабных частных инвестиций японских ТНК [4, с. 260], во-вторых, японские компании получают крупные заказы на реализацию инфраструктурных проектов в Китае.

В-третьих, имелась еще одна группа аргументов в пользу помощи Китаю, которые можно условно назвать политико-стратегическими. С политической

¹ Маститый американский японовед Д. Хэллманн выразится еще прямее, весьма неpolitкорректно называя японскую помощь «международными взятками» [17, р. 44].

стороны, ожидалось (как в Японии, так и на Западе), что мощная японская поддержка реформистского Китая обеспечит превращение его в «нормального» члена глобальной экономической системы, который проводил бы мирную и предсказуемую внешнюю политику. В этой связи японские политики понимали, что в не столь отдаленном будущем Китай превратится в основного конкурента в Тихоокеанской Азии, вследствие чего поддержание сбалансированных, гладких отношений с ним становилось важнейшим приоритетом. В литературе за этим дискурсом закрепился термин «ингейджмент» (*engagement*) (примерно соответствует русскому слову «вовлечение» и предполагает задобривание партнеров во избежание неприятных «сюрпризов»).

Вышеуказанные мотивы предоставления помощи Китаю обусловили его превращение в нового фаворита с точки зрения ОПР. Это было выгодно и Китаю, и Японии. Китаю невозможно было опереться на какую-либо другую державу, так как в США оказание помощи коммунистическим странам было запрещено специальным актом Конгресса [38], а финансово-техническое содействие со стороны враждебного тогда Советского Союза было исключено по политико-идеологическим причинам. Поэтому Япония не встретила серьезной международной конкуренции за будущие дивиденды от ее «особых отношений» с Китаем.

Превращение Китая в крупнейшего реципиента льготных фондов из Японии было болезненно воспринято нациями АСЕАН, которые опасались, что Китай сможет проглотить существенный «кусочек пирога» от японской помощи, на который они могли рассчитывать. Премьер-министр М. Охира, стремясь избежать трений с государствами ЮВА, счел необходимым лишний раз подчеркнуть важность существующих отношений с АСЕАН [32, р. 132]. В частности, он пообещал, что объем помощи, направляемой на нужды Китая, никогда не превысит суммы, отпускаемые ведущему реципиенту из стран АСЕАН, другими словами – Индонезии. Однако за короткий период (в течение двух лет) КНР отодвинула Индонезию на второе место и на десятилетия вперед стала бенефициарием номер один, потребляя ежегодно более 10% льготных правительственных фондов, предоставляемых Японией.

На старте японо-китайского сближения бизнес-сообщество Японии было очень увлечено инвестиционными возможностями в соседней державе. На фоне радикальных экономических реформ Дэн Сяопина японские фирмы подписали в Китае десятки контрактов. Китайская сторона тоже возлагала большие надежды на эти инвестиционные сделки. В Пекине очень рассчитывали на то, что приток частного капитала из технологически продвинутой Японии сыграет ведущую роль в модернизации китайской экономики. Однако, когда дело дошло до стадии реализации проектов, оказалось, что Китай явно не подготовлен для крупномасштабных инвестиций по ряду

причин – из-за той же устарелой инфраструктуры, укоренившейся коррупции, бюрократической волокиты и просто из-за разницы в менталитетах. Китайское правительство не смогло реализовать заключаемые инвестиционные контракты [15, р. 96], которые один за другим начали расторгаться, включая контракт на возведение Баошаньского сталеплавильного комбината в районе Шанхая.

Таким образом, частные японские фирмы объективно оказались не в состоянии привнести в экономику соседней державы капиталы и технологии, на которые прежде всего рассчитывал Китай. Ожидаемые японскими компаниями прибыли, а также перспективы японского присутствия в Китае оказались под угрозой. Для того, чтобы обеспечить это присутствие, японское правительство фактически вынуждено было взять на себя роль поставщика необходимых КНР ресурсов (которые затем по большей части перетекали в прибыли японских компаний-подрядчиков). Основной формой содействия Китаю стали японские иеновые займы, многократно превосходящие и финансовые гранты, и техническое сотрудничество, вместе взятые. За Японией в 1970–1980-е гг. закрепилась репутация страны, «наживающейся на помощи» (*profiteer on aid*), но взаимоотношения с Китаем в действительности строились на строго экономической основе. Модель сотрудничества была согласована с самим китайским руководством, которое аккуратно погашало займы. По всей видимости, это было связано с желанием Пекина придать двусторонним отношениям более равноправный имидж – имидж кредитора и ответственного должника; Китай не настаивал на грантах, которые больше бы напоминали «милостыню».

Абсолютное преобладание займов (которые предстояло возвращать) в японской помощи Китаю, на взгляд автора, не позволяет уподоблять ее военным репарациям; в крайнем случае ее возможно назвать квазирепарациями, а вернее, суррогатом репараций.

В течение первого десятилетия львиная доля иеновых займов официально направлялась на обеспечение «устойчивого развития», другими словами, на возведение экономической и индустриальной инфраструктуры, в основном в сфере транспорта и коммуникаций. Без решающего участия японского правительства в десятках инфраструктурных проектов Китай просто не превратился бы в ведущего партнера Японии по линии долгосрочных инвестиций и внешней торговли. Дополнительным фактором в пользу участия в проектах в КНР являлась возможность изучать местную деловую среду, деловую культуру (вплоть до теневых связей на местах); говоря иными словами, ОПР мыслилась и как инструмент легальной разведки.

«Гуманитарное» измерение в японской помощи Китаю проявилось многим позже, чем меркантилистские мотивы. Лишь к началу 1990-х гг. диапазон

японских программ в Китае расширился за счет направлений, связанных с насущными потребностями населения Китая, такими как доступ к чистой воде, улучшение санитарных условий, строительство объектов социальной инфраструктуры. В 1990-х гг. началось сотрудничество в области защиты окружающей среды, в котором Япония могла применить свой богатый накопленный опыт.

Аналитики часто отмечают уникальный характер японо-китайских отношений по линии помощи. В частности, Китай стал единственным из развивающихся государств, получающим займы и субсидии (гранты) на основе пятилетних планов помощи, а не на основе обычных соглашений, рассчитанных на год. Более того, эти планы коррелировались с собственными китайскими пятилетними планами развития народного хозяйства. Другими словами, Япония, страна с рыночной экономикой, строила свои отношения с Китаем в соответствии с социалистическими принципами планирования. В общей сложности четыре пятилетних плана помощи были реализованы с 1979 г. до конца XX столетия, и каждый был намного больше по размерам предыдущего. Первый пакет, согласованный М. Охирой (1979–1983 гг.), составлял около 1,4 млрд долл. Вторая программа, подготовленная правительством Я. Накасонэ (1984–1989 гг.), – 2,1 млрд долл. Третий пакет (1990–1995 гг.) предусматривал выплату займов и грантов на сумму 5,4 млрд долл. Наконец, четвертый, последний пакет (1996–2000 гг.), был разбит на две части (3 и 2 года соответственно), причем только по первому трехлетнему периоду выплаты должны были достигнуть 5,8 млрд долл.

Важность этих программ подчеркивалась тем фактом, что они персонально представлялись премьер-министрами Японии руководителям Китая, минуя обычный бюрократический уровень протокола [13, р. 120]. При этом формат пятилетних планов крайне затруднял какие-либо санкции Японии по линии помощи (например, ее приостановку) в случае нарушения Китаем условий Хартии помощи, а также мешал международной координации с западными донорами.

ОПР имела, конечно, и стратегическое измерение. В конце 1970-х гг., в разгар возобновившейся холодной войны между СССР и США, американская дипломатия сконцентрировалась на стратегическом сотрудничестве с Китаем для того, чтобы противостоять советской военной мощи в Восточной Азии. В этом контексте Япония, став ведущим донором экономической помощи и ассигнуя на эти цели много больше, чем все страны – члены Комитета помощи развитию, вместе взятые, содействовала, как представлялось, тому, что, будучи крупным должником Японии (играющей роль «представителя» западных индустриальных стран), КНР будет проводить более предсказуемую и миролюбивую по отношению к Западу внешнюю политику.

Следовательно, японская помощь Китаю помогала в разгар холодной войны и американо-китайского сближения переложить финансовое бремя сближения Запада с Китаем на Японию. В то же время частные западные корпорации имели основания опасаться, что реализация инфраструктурных и других проектов на китайской территории японскими подрядчиками может лишить их (американские и европейские компании) ощутимых потенциальных прибылей. Осознавая эти опасения, премьер-министр М. Охира в своих «Трех принципах» (1979 г.) особо оговаривал, что помощь КНР будет оказываться в кооперации с США и другими развитыми странами, во избежание подозрений в стремлении к монополизации китайских рынков. Правда, реальная координация с Западом была затруднена особым, «пятилетним» форматом японского сотрудничества с КНР.

КИТАЙ КАК «СВОЕНРАВНЫЙ» ПАРТНЕР ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ

Экономически японская ОПР Китаю была необходимой предпосылкой стимулирования японского экспорта и долгосрочных инвестиций, и, судя по исключительно быстрому росту хозяйственных связей в 1980–2000-х гг., эти издержки себя вполне оправдали. Всего через десять лет с начала действия программ сотрудничества уже слышны были китайские обвинения (не без пропагандистского налета) в адрес Японии в том, что она посредством ОПР смогла достичь таких экономических преимуществ в Китае, каких не могла добиться посредством военной интервенции в 1930–1940-х гг. [39, р. 3].

Однако применительно к двусторонним политическим отношениям результаты оказались более противоречивыми, при этом Китай в большинстве случаев одерживал верх и переигрывал своего донора – Японию. Китайское руководство отводило внешней помощи, особенно со стороны Японии, роль вспомогательного, хотя и важного инструмента строительства социализма (с китайской спецификой), поэтому она не должна была навязывать иностранные ценности и интересы китайскому населению [24, р. 57]. Руководство Китая ясно дало понять, что в своей стране оно не допустит какого-либо контроля со стороны внешних сил. В частности, было установлено правило, согласно которому доля иностранной помощи в издержках любого проекта не должна была достигать 50%. Это означало, что все инфраструктурные и прочие проекты по большому счету будут контролироваться китайской стороной, а японский вклад не будет выглядеть заметным. В результате «ни один проект не считался японским, хотя Япония участвовала во множестве проектов» [13, р. 119].

Вряд ли японские кабинеты министров шли бы на уступки Китаю, если бы не считали их важным политическим условием для японской долгосроч-

ной экономической безопасности. Тем не менее со стороны их реакция оценивалась именно как уступки. Так, уже вскоре после инициации первого пакета сотрудничества в 1982 г. Китай открыто обвинил Японию в возрождении милитаризма на основании предвзятого, неадекватного (с точки зрения Китая) изложения японо-китайской войны в японских школьных учебниках. Япония пошла на уступки, премьер-министр Дз. Судзуки был вынужден срочно посетить китайскую столицу, где пообещал изменить содержание учебников, а также... выделить новую финансовую помощь для развития китайской инфраструктуры [20, р. 194].

Трагические события на площади Тяньаньмынь в 1989 г. (жестокое подавление демократически настроенных студентов в Пекине) стали следующим пробным камнем для японо-китайского экономического сотрудничества. Конечно, как союзник стран Запада, Япония обязана была проявить солидарность с ними и не могла вообще уклониться от санкций против режима в Пекине. Однако эти санкции оказались кратковременными, ибо Япония не была заинтересована в прекращении финансирования КНР.

Сохранение внешне дружественных отношений и модернизация инфраструктуры Китая до уровня, приемлемого для японских инвестирующих компаний, оставались более высокими приоритетами для Японии, чем «порицание» Китая. По мысли японского правительства, подавленное в 1989 г. продемократическое движение в Китае не имело достаточной политической базы, и поэтому его можно было проигнорировать при формулировании курса по отношению к Китаю [31, р. 82] (как и преследование китайскими властями спортивно-духовного движения Фалуньгун в 1999 г.). На саммите «большой семерки» в Хьюстоне администрация Дж. Буша (старшего) отказалась от предыдущих возражений против японской поддержки Китая, приняв во внимание «особые отношения» между двумя дальневосточными нациями. В результате японские санкции длились недолго, и займы в рамках третьего пакета помощи были возобновлены уже в июле 1990 г. [41, р. 324]. Впрочем, если Япония ожидала благодарности со стороны Китая за прорыв международной изоляции, то она просчиталась. Подконтрольные государству китайские СМИ по-прежнему замалчивали японский вклад в дело развития страны или подчеркивали его эгоистичный характер.

Впрочем, «тяньаньмыньский инцидент» (1989 г.) помог формированию институциональной базы японской ОПР. Дело в том, что до начала 1990-х гг. Япония не имела какого-либо базового документа для определения политико-экономических критериев «за» и «против» оказания помощи той или иной стране. Между тем в японском обществе нарастали требования, чтобы правительство реагировало доступными методами на нарушения прав человека за рубежом. События на главной площади Пекина (а также американ-

ская «война в заливе» против Саддама Хусейна, который получал японские средства) подтолкнули Японию в 1992 г. к принятию Хартии ОПР. Хартия, в частности, предписывала отсрочку или замораживание займов и грантов в странах, правительства которых допускают массовые нарушения прав человека. Правда, Хартия в дальнейшем не слишком строго соблюдалась японскими кабинетами министров, но по крайней мере она могла служить ориентиром при планировании ОПР (в 2003 г. она подверглась ревизии в сторону большей защиты собственно японских интересов при сотрудничестве с развивающимися странами).

Впрочем, у японской общественности гораздо большую нервозность, чем нарушение прав человека за границей, вызывает наращивание вооружений в странах-реципиентах, тем более ядерные испытания. КНР в 1995 г. дважды провела ядерные испытания на оз. Лобнор (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Не прореагировать на это Япония не могла, но проявление озабоченности носило явно символический характер – была приостановлена выплата грантов (не займов!) Китаю на сумму 92 млн долл. На фоне гигантских объемов экономических связей размеры замороженной безвозмездной помощи были микроскопическими, и такая санкция выглядела как символическая мера. Но даже и этот «булавочный укол» всерьез рассердил китайское руководство. На встрече с рядом японских политиков председатель КНР Цзян Цзэминь произнес такие слова: «Люди с полным желудком никогда не поймут людей с пустым желудком» [26, р. 220]. Если бы Япония заморозила «святая святых» двусторонних связей – иеновые займы, китайская реакция была бы, несомненно, намного более острой. (Характерно, что когда тремя годами позже Индия и Пакистан провели испытания ядерного оружия, японский ответ был много жестче – и гранты, и займы были заморожены на много лет вперед.)

Высшее руководство Японии (Рютаро Хасимото и предшествующий ему премьер – социалист Томиити Мураяма) аргументировало свою слабую реакцию на китайские ядерные испытания тем, что замораживание займов, главного компонента ОПР, «оставило бы глубокие шрамы» на двусторонних отношениях и помешало бы переходу Китая к рыночной экономике [28]. Глава МИД Японии Ехэй Коно добавил к этому, что скрупулезное следование Хартии ОПР лишило бы его правительство дипломатической гибкости [14, р. 125]. Китайские ядерные взрывы в следующем (1996) году вообще не повлекли за собой каких-либо санкций (поскольку КНР пообещала воздерживаться от них в дальнейшем).

Помимо внешнеполитических соображений, несоразмерно мягкая реакция японских властей на ядерные испытания на оз. Лобнор, по всей вероятности, отражала также экономические интересы. В частности, японские

фирмы мечтали участвовать в проекте строительства гидроэлектростанции «Три ущелья» на р. Янцзы, общая стоимость которого оценивалась в 60 млрд иен. Однако японские строительные компании могли надеяться на успех в тендере лишь в том случае, если японское правительство выделило бы займы Китаю на оплату их услуг. Несмотря на критику со стороны различных организаций в самой Японии, правительство дало полное «добро» и поддержку индустриальным компаниям на действия, связанные с гидроэлектростанцией «Три ущелья» [26, p. 222].

СОКРАЩЕНИЕ ПРОГРАММ ПОМОЩИ НА ФОНЕ РОСТА ОБЩЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ

В 1998 и 1999 гг. в соответствии в предыдущими соглашениями (первая часть четвертого пакета помощи) китайскому правительству из Токио было перечислено 1,158 млрд и 1,226 млрд долл. соответственно. Казалось, что помощь Пекину в принципе не может быть сокращена, будучи «священным ресурсом» японской дипломатии. Но уже в середине 1990-х гг. появились предсказания о грядущем спаде эйфории по поводу Китая в Японии [14, p. 112]. В самом деле, среди японского населения ощущалось беспокойство, связанное с китайскими программами военной модернизации. Ширилось мнение о том, что рост китайских военных расходов косвенно финансировался за счет средств, поступающих из Токио. Дополнительным раздражающим фактором стало приписываемое Китаю вмешательство во внутренние дела Японии.

На этом фоне японское общественное мнение было крайне недовольно жесткими, недружественными заявлениями Председателя Цзян Цзэминя в ходе его официального визита в Японию в 1998 г., который настойчиво требовал от Японии новых формальных извинений за военное прошлое и в то же время не произнес ни одного доброго слова относительно двух предыдущих десятилетий японской помощи. Его бескомпромиссные формулировки убеждали японцев в том, что Китай не ценит помощь из Токио и принимает ее как нечто должное [8], что свидетельствовало о том, что вообще в долгосрочной перспективе не следует быть уверенным в дружелюбии и благодарности со стороны наций-реципиентов.

В 2000 г. Пекин и Осака стали конкурентами при голосовании в Международном олимпийском комитете о выборе места проведения летней Олимпиады-2008. Решающим аргументом при голосовании послужила более современная инфраструктура китайской столицы (новые или модернизированные аэропорт, метрополитен, энергогенерирующие мощности, больницы и т. д.). Значительная часть этих сооружений была спонсирована

за счет японских займов. Тот факт, что Япония сама себе «подставила ножку», подлил масла в огонь недовольства Китаем в японском общественном мнении.

В мае 2000 г. глава МИД Японии Ехэй Коно в первый раз предупредил своего китайского коллегу, что Япония может начать урезание программ субсидирования соседней державы. Пекинские власти не смогли адекватно воспринять растущее раздражение в Японии, позволив своим «исследовательским» судам несколько раз нарушить японскую эксклюзивную экономическую зону. Японские СМИ сочли китайские действия провокационными и еще более активно начали призывать правительство заканчивать с ежегодной и бесполезной перекачкой японских средств на инфраструктурные проекты на китайской территории. Нарушения морских границ Японии китайскими кораблями привели к временному замораживанию целевого займа Китаю (на сумму 17,2 млрд иен), предназначенного для модернизации железнодорожной сети вокруг Пекина и аэропорта в Сиане.

Это заставило китайское правительство реагировать, и в ходе официального визита премьер-министра Китая Чжу Жунцзи в Токио в октябре 2000 г. он в несвойственной для китайских политиков манере высоко оценивал содействие со стороны Японии, открыто назвав его «важной помощью в развитии китайской экономики и строительстве китайского государства» [41, р. 326]. Международным обозревателям цель такого мягкого подхода была ясна: предотвратить ожидаемое сокращение льготных займов и грантов из Японии.

В конечном итоге Китаю все же удалось получить займы (около 17 млрд иен) для транспортной инфраструктуры Пекина и Сианя. Однако это было не главным. Основная цель поездки китайского премьера была более амбициозной: он пытался добиться от Японии многомиллиардных (в долларах) фондов для финансирования нового грандиозного проекта – освоения отсталых западных (внутренних) провинций Китая. Международная печать отмечала, что за этим проектом таились не только благие цели. Его реализация могла привести к насильственному переселению этнических меньшинств с мест, в которых они жили с незапамятных времен, или к их ассимиляции с ханьским большинством. Исходя из этих соображений, Всемирный банк отклонил заявку Китая на финансовую поддержку, после чего ему пришлось обратиться к своему главному донору.

В ожидании займов традиционно критическая оценка японской ОПР в Китае быстро (и искусственно) сменилась так называемой дипломатией благодарностей. Невзирая на эту вербальную переоценку, японский премьер Есио Мори без излишней дипломатии обратился к китайскому коллеге словами: «Информируйте свой народ об огромном вкладе Японии в социаль-

но-экономическое развитие КНР, иначе я не смогу убедить свой народ, что стоит продолжать японскую помощь Китаю». Китайский гость вынужденно признал, что пекинское руководство в самом деле не сумело должным образом информировать соотечественников о реальных размерах японской помощи, и пообещал предпринять усилия для исправления ошибок [11].

Для Японии прямо отвергнуть китайскую просьбу о содействии развитию бедных глубинных районов страны было бы нелегким выбором. Предыдущие обещания Японии фокусировались именно на помощи отсталым районам стран-реципиентов; китайская просьба была именно таким случаем. Правительство сформировало две группы экспертов для решения проблемы: первую – в рамках Министерства иностранных дел, а вторую – из влиятельных членов правящей тогда ЛДП.

В результате работы этих двух команд Китай был лишен привилегии получать ОПР из Токио на основе пятилетних планов, таким образом, японо-китайские отношения потеряли характер «особых» связей. В конце 2000 г. Кабинет министров также постановил, что отныне все будущие проекты, связанные с Китаем, будут одобряться только в тех случаях, если они будут отвечать собственно японским приоритетам; программы, «неинтересные» для Японии, не будут поддерживаться на японские средства [13, р. 125]. Помимо этого, Япония потребовала, чтобы ее материальный вклад в инфраструктуру и социальные проекты перестал быть «анонимным» и был бы видимым для китайского населения.

Китайские руководители сочли новую японскую парадигму неприемлемой. Они дали понять, что не намереваются терять контроль над займами из-за рубежа. Сложилась курьезная ситуация: китайские органы начали отбирать из списка «интересных» для Японии предложений только те, которые отвечали китайским целям и интересам. Вследствие такой «двойной селекции» диапазон возможных инфраструктурных и прочих совместных проектов, естественно, сильно сузился, а это в свою очередь негативно сказалось на общем объеме помощи.

Вскоре после переговоров Чжу и Мори в Токио один из влиятельнейших лидеров правящей в Японии партии Сидзука Камэй выступил с сенсационным предложением резко сократить объемы японской помощи вообще и Китаю в особенности. С. Камэй объяснил свою позицию тем, что текущее спонсирование КНР противоречит изначальным целям японского экономического сотрудничества [10]. Вероятно, его инициатива, помимо прочего, отражала раздражение японского бизнеса сокращающимися возможностями участвовать в китайских проектах в качестве подрядчиков.

С середины 1990-х гг. среди японских элит начался важный процесс переосмысливания философии помощи развивающемуся миру. Финансирование

бесчисленных инфраструктурных проектов в Китае и в других странах вызвало нарастающую критику в парламенте, СМИ и среди японских избирателей, которую было все труднее игнорировать. Вместе с тем, японское правительство нуждалось в новой международной инициативе для того, чтобы как-то поддержать блекнувший имидж Японии в мире.

Уже в 1995 г. премьер-социалист Мураяма озвучил термин «безопасность человека» («*human security*») в качестве одной из целей японской ОПР и внешней политики в целом. В 1999 г. этот термин был многократно использован в «Голубой книге» внешнеполитического ведомства, а в 2003 г. политика «безопасности человека» была официально закреплена в новой редакции Хартии ОПР [25, pp. 118–122].

Концепция «безопасности человека» объединила концепции «свободы от нужды» и «свободы от страха». Если под «свободой от нужды» подразумевалось использование иностранной помощи для борьбы с нищетой, то «свобода от страха» включала в себя целый комплекс острых проблем, таких как разрушение окружающей среды, демографические проблемы, инфекционные болезни (в первую очередь СПИД), наркотрафик, организованная преступность, проблема беженцев, униженное положение женщины, ликвидация наземных мин и т. д. [25, p. 114]. Предполагалось, что в развивающемся мире значительная часть японской помощи, адресуемой на эти цели, будет передаваться непосредственно японскими посольствами через местные низовые («*grassroots*») организации [40, p. 119].

Китайская «специфика» состояла в том, что руководство страны (за исключением, может быть, вопросов экологии) явно не было заинтересовано в допуске иностранцев, включая японцев, к решению внутренних социальных проблем. Еще менее оно было готово разрешать прямые связи между местными общинами и иностранными посольствами. КНР все еще ставила во главу угла инфраструктурные проекты и препятствовала японской помощи в сфере «безопасности человека», в особенности на низовом уровне. Это противоречило новой японской концепции.

В январе 2002 г. новый Кабинет министров под руководством Дзюньитиро Коидзуми, не связанный более пятилетними соглашениями, объявил о решении снизить объем помощи Китаю на 25%. В списке ведущих реципиентов фондов из Японии КНР впервые отошла на 3-е место вслед за Индонезией и Вьетнамом [34]. Большинство японских граждан, по итогам опросов, были готовы поддерживать только проекты, связанные с экологией и гуманитарной помощью. Опасные перспективы деградации окружающей среды в соседней державе стимулировали Министерство экономики, торговли и промышленности принять так называемый план зеленой помощи, что лишь усилило экологический уклон в японской ОПР, зародившийся еще

в 1990-е гг. [18]. Уже в рамках четвертого пакета помощи (1996–2000 гг.) 16% займов было предназначено на цели сохранения окружающей среды, включая превращение трех городов – Далянь, Чунцин и Гуйян – в «образцовые экологические города».

В течение некоторого времени китайские власти продолжали цепляться за японские льготные займы. Однако с каждым годом ситуация выглядела все более абсурдной. Экономически Китай был достаточно богат, чтобы позволить себе дорогостоящую Олимпиаду-2008 и освоение космоса. С политической точки зрения было все труднее состыковать острую китайскую критику премьера Дзюньитиро Коидзуми (который за все годы пребывания у власти ни разу не был приглашен в Китай) за ритуальное посещение им храма Ясукуни (где покоятся души военных преступников) с требованиями Пекина продолжать экономическое сотрудничество.

Осенью 2004 г. внешнеполитическое ведомство Японии сообщило о планах окончательного прекращения помощи Китаю (хотя и без точных сроков). Упреждая это заявление, министр иностранных дел Китая на саммите АСЕАН во Вьентьяне заявил, что его страна сможет обойтись без японской помощи и будет полагаться на собственные финансовые ресурсы [36]. В марте 2005 г. китайский премьер-министр Вэнь Цзябао обратился к своему японскому коллеге в призывом «хорошо закончить то, что хорошо началось», другими словами, призвал завершить многолетнее экономическое сотрудничество безболезненно, не создавая атмосферу скандала [15, р. 110]. Япония отнеслась к китайской просьбе с пониманием, и в 2005 финансовом году КНР получила последнюю крупную «инъекцию» (1064 млн долл.), после чего к 2008 г. на повестке дня остались только гранты, связанные с экологией и энергосбережением. Кабинеты Демократической партии, пришедшей к власти в 2009 г., не стали реанимировать крупномасштабное сотрудничество с Китаем. Например, в 2010 г. через Банк международного сотрудничества было переведено только 56 млн долл. Более того, министр иностранных дел Сэйдзи Маэхара распорядился сократить даже эти незначительные платежи (хотя Япония продолжала выполнять свои обязательства в рамках существующих проектов) [33]. Таким образом, тридцатилетняя история китайско-японского экономического сотрудничества завершилась.

Уточним причины резкого обрыва правительством Японии государственного сотрудничества с Китаем. Японское руководство не смогло внятно объяснить, почему оно перестало считать Китай развивающейся страной. Если говорить о гуманитарном измерении, то уровень жизни в Китае не выше, чем, например, в Таиланде, которому японское правительство продолжает исправно выделять льготные займы и даже дары. Дело, очевидно, в другом.

Как отмечает С. Катада, существуют два толкования причин окончания

ОПР Китаю – реалистическое и неомеркантилистское. Оба они справедливы лишь отчасти.

Под реалистическим дискурсом имеется в виду осознание опасной конкуренции за место под солнцем со стороны Китая и даже его угрозы для экономической безопасности Японии. Мнение о том, что Япония, которая раньше своей помощью наращивала мощь своего опасного конкурента, а прекратив ее, ослабит его продвижение вперед, согласно Катаде, не отличается убедительностью. В сколь-либо длительной перспективе разрыв экономического сотрудничества между двумя странами не может помешать росту влияния самодостаточного Китая, а Японию приведет к потере хоть каких-то возможностей корректировать политическое поведение партнера.

Неомеркантилистское объяснение разрыва японо-китайских связей по линии помощи, заключающееся в том, что она утратила свою привлекательность для японского частного капитала, выглядит тоже лишь частично правильным. Японские фирмы, инвестирующие в китайскую экономику, через помощь своего правительства Китаю могли бы и в дальнейшем получить дополнительные прибыли как подрядчики, если бы ОПР Китаю продолжалась.

Возможно, наиболее важным фактором отказа от ОПР послужила «смена модальностей» при планировании. Под этим термином подразумевается, что при выработке политики применительно к Китаю (примерно с середины 1990-х гг. и далее) правительству Японии приходилось по нарастающей учитывать мнение своего гражданского общества, которое все более негативно относилось к финансовой поддержке Китая [24, p. 55].

По-видимому, 2008 г. был выбран Японией для завершения программы ОПР для Китая не случайно. За 44 года до этого в Токио состоялась Олимпиада-1964, и как раз к этому времени помощь Японии со стороны Запада была прекращена. По японской логике, проведение Олимпиады-2008 в Пекине знаменовало выход Китая из статуса реципиентов льготных займов [15, p. 111].

ИТОГИ ЯПОНО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Извлекла ли Япония ощутимую пользу от потраченных в Китае за тридцать лет 45 млрд долл.? С экономической точки зрения – несомненно. Будучи незначительным торговым контрагентом в 1980-х гг., Китай по стоимости товарооборота к 2010 г. стал гораздо более важным торговым партнером (и как экспортер, и как импортер товаров и услуг), чем Соединенные Штаты. Но при этом «растущая экономическая взаимозависимость обеих стран не привела к соответственному улучшению отношений в иных сферах» [41, p. 328].

С политических позиций, если целью была «покупка влияния» в

Китае [7], ответ на вопрос о том, окупилась ли помощь, будет в основном отрицательным. На протяжении десятилетий Пекин предпочитал не поддерживать японские международные инициативы. Так, в Китае воспротивились японскому предложению создать Азиатский валютный фонд по следам Азиатского кризиса 1998–1999 гг. Стремясь не допустить роста морального влияния Японии, китайское руководство систематически бойкотировало японские претензии на место постоянного члена Совета безопасности ООН. В 2002 г., пятью годами раньше Японии (и за ее спиной), КНР заключила соглашение о свободной торговле с АСЕАН. Этим шагом Китай позиционировал себя в качестве прямого и опасного конкурента Японии в Юго-Восточной Азии, которая десятилетиями была наиболее опекаемым ею регионом. Перечень акций со стороны Китая, которые в Японии расценивались как недружелюбные, можно было бы продолжить. Япония получила урок в том смысле, что щедрые трансферты отнюдь не гарантируют дружеских или просто здоровых отношений со странами-реципиентами помощи.

Не менее важно и то, что финансовые потоки из Токио в Пекин не помогли Японии завоевать признательность или уважение также и на низовом уровне, среди китайского народа. Опросы общественного мнения неизменно показывали, что простые граждане КНР относятся, например, к Соединенным Штатам гораздо благосклоннее, чем к Японии, хотя Китай никогда не получал помощи от США. «Несправедливость» такого рода, естественно, вызывала чувство разочарования среди политиков и населения Японии.

Неспособность сделать ОПР козырной картой в отношениях с Китаем, конечно, частично объясняется ее восприятием на местах как заменителя военных репараций, как обязанности со стороны Японии. Япония не сумела заработать политический капитал на своей помощи также из-за отсутствия информации о ней в китайских СМИ, вследствие сокрытия ими этого явления как такового от собственного населения. Бывший японский посол в Пекине вспоминал, что не только китайский народ, но и сами лидеры страны не имели ни малейшего представления о том, в каких сферах расходовались фонды из Японии, поскольку таковые автоматически включались в бюджет и распределялись простыми чиновниками на рабочем уровне [9]. Надо сказать, что замалчивание иностранного содействия относилось не только к Японии. В 2011 г., когда вслед за Японией правительства других развитых стран объявили о фактическом прекращении финансирования Китайской Народной Республики, в китайской прессе началась критика по этому поводу, которая, однако, была мало понятна китайскому населению, поскольку большинство ранее никогда и не слышало про иностранный вклад в развитие своей страны [33].

Итак, комбинация таких факторов, как, во-первых, жесткий контроль над поступлениями из Японии со стороны китайских бюрократов, во-вторых, восприятие помощи как возмещения ущерба, нанесенного во время войны, в-третьих, подавление информации об ОПР китайской пропагандой, помешала японским субсидиям стать орудием политического влияния. Распространена точка зрения, что с уходом из Китая в качестве поставщика помощи Япония потеряла единственный канал влияния на эту страну. Возможно, это и справедливо, но в реальности Япония и ранее извлекала из нее немного политической пользы.

Тем не менее в международном раскладе японская ОПР оказалась благоприятным фактором, особенно в сравнении поведения Японии по отношению к Китаю с поведением США на Ближнем и Среднем Востоке. Игнорирование США реальных нужд народов региона, упор на военную составляющую помощи привели к полосе неудач, начиная от исламской революции в Иране (1979 г.), к трагедии 11 сентября 2001 г. и далее. В отличие от американского курса, японская дальновидная политика «вовлечения» (*engagement*) Китая средствами финансовой и технической помощи оказалась ключевым преимуществом для всего региона Восточной Азии и предотвратила возникновение крупных конфликтов в этой части земного шара [19]. В любом случае, позитивный вклад Японии в поддержание регионального мира и стабильности (при параллельном преследовании собственных интересов) нельзя недооценивать. Объективно Япония проделала важную международную работу.

На смену Китаю на роль главного получателя помощи из Японии пришла Индия, сопоставимая с КНР по численности населения, но гораздо более бедная по доходам на душу населения. В последние годы туда перекачивается по полмиллиарда и более долларов в год. Для этого имеются и экономические, и гуманитарные, и политические основания. В частности, Индия рассматривается как противовес китайской мощи. В будущем помощь Индии, крупнейшей демократической стране мира, вполне может оказаться важным фактором реализации концепции всеобъемлющей национальной безопасности Японии [6, p. 24].

Важная глава в японо-китайских отношениях ушла в прошлое и стала историей. Жизнь ставит новые задачи и варианты их решений как перед Японией, так и перед Китаем. На повестку дня выдвинулось заключение соглашения о свободной торговле в каком-либо виде, будь то двусторонний пакт, соглашение в рамках треугольника Япония – Республика Корея – Китай или план Транстихоокеанского партнерства (ТТП) – задача, вероятно, более сложная, чем проблемы, которые возникали при реализации программ ОПР Китаю.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Много лет назад, в 1950–1960-х гг., Япония оказалась в своеобразной ситуации, когда она была одновременно и реципиентом, и донором иностранной помощи. В XXI в. Китайская Народная Республика повторила японский опыт. Все еще цепляясь за льготные трансферты от Японии и стран западного блока, она сама быстро трансформировалась в крупного донора ОНР. Нарастившая финансовое и техническое сотрудничество с развивающимся миром, Китай позиционировал себя как реального конкурента Японии в смысле своей «мягкой силы» («soft power»). В 2008 г. на саммите «Большой восьмерки» на Хоккайдо Председатель Ху Цзиньтао поведал другим мировым лидерам, что его страна оказывает экономическую поддержку в форме грантов, технического содействия, бесплатных или низкопроцентных кредитов 160 развивающимся нациям, помогая им достичь выполнения «целей развития тысячелетия». В таком случае выходит, что количество стран-реципиентов китайской помощи близко к числу стран и территорий, которые были бенефициариями японской помощи на ее пике (возможно, даже превосходит их). В плане объема помощи Китай, правда, пока еще заметно отстает от Японии. По Китаю нет достоверных статистических данных, но, например, по оценкам Центра глобального развития (Вашингтон), ежегодный объем помощи из Китая развивающимся странам колеблется в районе 2–3 млрд долл. в год с потенциалом роста в недалеком будущем [12].

Так же, как было на ранней стадии японской помощи развивающемуся миру, китайские субсидии прокладывают КНР путь к прямым инвестициям, прежде всего к инвестициям в добычу природных ресурсов. Однако у Китая в этом смысле имеются существенная специфика и преимущества. Японским кабинетам обычно приходилось так или иначе координировать свои действия в сфере помощи с США и другими ведущими донорами, в особенности, когда дело касалось отношений с одиозными режимами. Страны-доноры старались (хотя не всегда успешно) не уронить свою репутацию поддержкой режимов, имеющих авторитарную сущность.

В отличие от Японии, правительству Китая нет необходимости оглядываться на международное общественное мнение или координировать свои действия с другими донорами хотя бы потому, что КНР не является членом ОЭСР. По понятным причинам нет также необходимости оглядываться и на собственные законодательные органы. Китай готов сотрудничать с любыми режимами, если это обеспечивает доступ к природным ресурсам. Авторитарным лидерам, в особенности в Африке, очень импонирует «нейтральная» позиция Китая, который, как писал белорусский исследователь С. Витковский, не занимается распространением своей идеологии, не морализирует о правах

человека и не делит политические группы или движения за рубежом на «плохие» (тоталитарные) и «хорошие» (демократические) [1, р. 1].

У Китая есть еще одна козырная карта при отношениях с развивающимся миром. Имеется в виду готовность направлять за рубеж не только финансовые, но также и людские ресурсы, причем, помимо специалистов, значительное количество строительных и других рабочих. Конечно, Япония также уделяла и уделяет серьезное внимание «техническому сотрудничеству», но отправляет в развивающийся мир, как правило, только специалистов. На этом фоне многочисленные китайские рабочие, техники и инженеры, работая бок о бок с местными трудящимися и будучи в постоянном контакте с ними, способствуют успеху «мягкой силы» Китая.

Благодаря своей политически нейтральной позиции и массовому присутствию китайских тружеников на местах, Китай быстро приобретает контроль над зарубежными природными ресурсами. Японии становится все труднее конкурировать с КНР в этой сфере, особенно на африканском континенте. Например, в 2009 г. китайский премьер-министр Вэнь Цзябао пообещал африканским государствам колоссальную сумму в 10 млрд долл. в виде беспроцентных или льготных займов в течение трех лет. В российской прессе даже появился термин «Афрокитай» [5]. Помимо Африки, в наиболее бедных (по доходам на душу населения) государствах Юго-Восточной и Восточной Азии Китай также предстает мощным конкурентом Японии, когда речь идет о строительстве инфраструктуры или обучении местной рабочей силы различными специальностям.

Весьма вероятно, что на фоне вышеупомянутых китайских преимуществ любые японские санкции против авторитарных режимов или «стран-изгоев» будут иметь результатом лишь ослабление дипломатических позиций Японии. Более того, проблема экспансии Китая «через помощь развитию» затрагивает не только Японию, но и других доноров из числа стран – членов ОЭСР. Как отмечала «Джапан таймс» (The Japan Times), им придется либо снизить планку моральных требований к странам-реципиентам, либо смириться с растущим «вовлечением» развивающихся наций Китайской Народной Республикой [35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витковский С. М.* Японо-китайское соперничество в странах «третьего мира» на современном этапе // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 4. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1551&Itemid=232 (дата обращения: 01.06.2012).
2. *Время Востока / Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП).* 17 Май, 2009. URL: <http://www.easttime.ru> (дата обращения: 05.06.2012).

3. *Мухеев В. В.* Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 4. С. 50–60.
4. *Стрельцов Д. В.* Официальная помощь развитию – важнейший фактор внешней политики Японии // «Внешняя помощь развитию – важнейший фактор внешней политики Японии: история и современность» / под ред. Э. В. Молодяковой. М.: Восточная литература, 2008. 319 с.
5. *Коммерсант-Власть*. № 45. 2009. 16 нояб.
6. *Araki M.* The Japan ODA model that began life in Southeast Asia // *Asia-Pacific Review*. 2007. Vol. 14. № 2. Pp. 17–29.
7. *Arase D.* Buying power: The political economy of Japan's foreign aid. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995. 307 p.
8. *Asahi Evening News*. 25 October, 2000.
9. *Asahi Evening News*. 8 February, 1999.
10. *Asahi Shinbun*. 15 November, 2000.
11. *Asahi Shinbun*. 9 September, 2000.
12. Center for Global Development. URL: www.cgdev.org/content/publications/detail/13953 (дата обращения: 01.06.2012).
13. *Chinese-Japanese relations in the 21st century* / ed. Soderberg Marie. London and New York: Routledge, 2002. 224 p.
14. *Drifte R.* Japan's foreign policy in the 1990s: From economic superpower to what power? Basingstoke: Macmillan Press, 1996. 209 p.
15. *Drifte R.* The ending of Japan's ODA loan programs to China – all is well that ends well? // *Asia-Pacific Review*. 2006. Vol. 13. № 1. Pp. 94–117.
16. Foreign Policy Overview / Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/index.html> (дата обращения: 03.06.2012).
17. *Helmann D.* The United States, ODA and infrastructure development of APEC countries // *APEC and development cooperation* / ed. Ariff Mohamed. Singapore, 1998. Pp. 92–102 (186 p.).
18. *Hirono R.* Japan environmental cooperation with China during the last two decades // *Asia-Pacific Review*. 2007. Vol. 14. № 2. Pp. 1–16.
19. *Iokibe M.* ODA as a foreign policy tool // *Japan Review of International Affairs*. 2003. Vol. 17. № 2. Pp. 105–127.
20. *Japan's international relations: Politics, economics and security* / eds. Hook Glenn et al. London and New York: Routledge, 2005. 576 p.
21. *Japan's ODA White Paper 2010*. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 2011. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/index.html> (дата обращения: 01.06.2012).
22. *Japan's Official Development Assistance Charter* / Government of Japan, Ministry of Foreign Affairs, Economic Cooperation Bureau. 29 August 2003. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/reform/revision0308.pdf> (дата обращения: 22.05.2012).
23. *Katada S.* Japan's two-track approach: The forces behind competing trends // *Asian Survey*. 2002. Vol. 42. № 2. Pp. 320–342.
24. *Katada S.* Old visions and new actors in foreign aid politics: Explaining changes in Japanese ODA to China // *Japanese aid and construction of global development: Inescapable solutions* / eds. Leheny, David and Warren, Key. London: Routledge, 2012. 304 p.
25. *Kurusu K.* Japan as an active agent for global norms; The political dynamism behind the acceptance and promotion of human security // *Asia-Pacific Review*. 2011. Vol. 18. № 2. Pp. 115–137.
26. *Lim Hua Sing.* Japan's role in Asia: Mutual development or ruthless competition? Singapore: Times Academic Press, 2003. 284 p.
27. *Naisbitt J.* Megatrends Asia: The eight Asian megatrends that are changing the world. London: Nicholas Brealy Publishing, 1995. 271 p.

28. Nihon Keizai Shinbun. 11 June, 1996.
29. Pyle K. Japan Rising: the resurgence of Japanese power and purpose. New York: Public Affairs, 2007. 433 p.
30. Rozman G. China's changing images of Japan, 1989–2001: The struggle to balance partnership and rivalry // International Relations of the Asia-Pacific. 2002. № 1. Pp. 95–129.
31. Rozman G. Northeast Asian stunted regionalism: Bilateral distrust in the shadow of globalization. Cambridge University Press, 2004. 412 p.
32. The diplomatic history of postwar Japan / ed. Iokibe Makoto. London and New York: Routledge, 2009. 258 p.
33. The Epoch Times. 3 March, 2011.
34. The Japan Times. 19 January, 2002.
35. The Japan Times. 25 December, 2008.
36. The Japan Times. 29 November, 2004.
37. The Japan Times. 30 May, 2005.
38. The U.S. Foreign Assistance Act. 1961.
39. Tong X. Japan's ODA and the Peoples' Republic of China: Strategic aid?: presented at the international conference on Japan's ODA to East Asian nations (Bangkok, 21–22 March). 1991.
40. Trinidad D. Japan's ODA at the crossroads: Disbursement patterns of Japan's development assistance to Southeast Asia // Asian Perspective. 2007. Vol. 31. № 2. Pp. 95–125.
41. Yahuda M. The international politics of the Asia-Pacific. London and New York: Routledge, 2011. 368 p.

JAPAN – CHINA: OFFICIAL DEVELOPMENT ASSISTANCE AS A TOOL OF ECONOMIC INTERACTION

Kovrigin E.B.

Kovrigin Eugene Borisovich – Ph.D. in Economics, Professor. Seinan Gakuin University, 6-2-92 Nishijin, Sawara-ku, Fukuoka, Japan, 814-8511. E-mail: ebkovrigin@gmail.com.

The paper deals with the outstanding role and implications of Japan's ODA to the People's Republic of China in the bilateral relations from the early 1980s till its termination in the 2000s. Being by far the biggest single provider of low-interest loans and grants to a state with a totally different political system Japan sought to achieve its own economic and political aims. The controversial nature of government financial flows from Tokyo to Beijing resulted in substantial economic gains (foreign trade and direct investment) and vice versa a disappointment in the political realm. The paper reveals peculiarities of Japan's ODA to the PRC in the framework of international economic relations, its significance for the modernization of China's industrial and social infrastructure, unparalleled conditions for receiving Japanese aid which were imposed by China's authorities, the change of public opinion in Japan towards the problem, etc. The article also explores the current transformation of China from the status of leading recipient of Japanese assistance to Japan's successful «competitor» as a donor of financial resources and technical assistance to the numerous nations of Africa, Southeast Asia and other regions.

Keywords: official development assistance, ODA, economic cooperation, yen loans, governmental grants, developmentalism, «human security», China, Japan.

REFERENCES

1. Vitkovsky S.M. The Rivalry of Japan and China in the Third World Countries. *Journal of International Law and International Relations*, 2008, no 4. Available at: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1551&Itemid=232 (accessed 01 June 2012). (In Russian).
2. *Vremya Vostoka – East Time*, Strategic Analyses and Forecast Institute (SAFI). 17 May 2009. Available at: <http://www.easttime.ru> (accessed 05 June 2012). (In Russian).
3. Mikheev V.V. China and Japan at the background of global trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2007, no. 4, pp. 50–60. (In Russian).
4. Streltsov D.V. Official development assistance – a key factor in Japan’s foreign policy. *Vneshnyaya politika Yaponii: istoriya i sovremennost – Japan’s Foreign Policy: Past and Present*, edited by E.V. Molodnyakova. Moscow, 2008, 319 p. (In Russian).
5. *Kommersant-Vlast – Commersant-Authority*, no. 45, 16 November 2009. (In Russian).
6. Araki M. The Japan ODA model that began life in Southeast Asia. *Asia-Pacific Review*, 2007, vol. 14, no. 2, pp. 17–29.
7. Arase D. *Buying power: The political economy of Japan’s foreign aid*, Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995, 307 p.
8. *Asahi Evening News*, 25 October, 2000.
9. *Asahi Evening News*, 8 February, 1999.
10. *Asahi Shinbun*, 15 November, 2000.
11. *Asahi Shinbun*, 9 September, 2000.
12. *Center for Global Development*. Available at: www.cgdev.org/content/publications/detail/13953 (accessed 01 June 2012).
13. *Chinese-Japanese relations in the 21st century*, edited by Soderberg M. London and New York: Routledge, 2002, 224 p.
14. Driete R. *Japan’s foreign policy in the 1990: From economic superpower to what power?* Basingstoke: Macmillan Press, 1996, 209 p.
15. Driete R. The ending of Japan’s ODA loan programs to China – all is well that ends well? *Asia-Pacific Review*, 2006, vol. 13, no. 1, pp. 94–117.
16. *Foreign Policy Overview*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/index.html> (accessed 01 June 2012).
17. Helmann D. The United States, ODA and infrastructure development of APEC countries. *APEC and development cooperation*, edited by Ariff Mohamed. Singapore, 1998. Pp. 92–102.
18. Hirono R. Japan environmental cooperation with China during the last two decades. *Asia-Pacific Review*, 2007, vol. 14, no. 2, pp. 1–16.
19. Iokibe M. ODA as a foreign policy tool. *Japan Review of International Affairs*, 2003, vol. 17, no 2, pp. 105–127.
20. *Japan’s international relations: Politics, economics and security*, edited Hook G. London and New York: Routledge, 2005. 576 p.
21. *Japan’s ODA White Paper 2010*, Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 2011. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/index.html> (accessed 01 June 2012).
22. *Japan’s Official Development Assistance Charter*. Government of Japan, Ministry of Foreign Affairs, Economic Cooperation Bureau, 29 August 2003. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/reform/revision0308.pdf> (accessed 22 May 2012).
23. Katada S. Japan’s two-track approach: The forces behind competing trends. *Asian Survey*, 2002, vol. 42, no. 2, pp. 320–342.

24. Katada S. Old visions and new actors in foreign aid politics: Explaining changes in Japanese ODA to China. *Japanese aid and construction of global development: Inescapable solutions*, edited by Leheny D., Warren K. London: Routledge, 2012, 304 p.
25. Kurusu K. Japan as an active agent for global norms. The political dynamism behind the acceptance and promotion of human security. *Asia-Pacific Review*, 2011, vol. 18, no. 2, pp. 115–137.
26. Lim Hua Sing. *Japan's role in Asia: Mutual development or ruthless competition?* Singapore: Times Academic Press, 2003, 284 p.
27. Naisbitt J. *Megatrends Asia: The eight Asian megatrends that are changing the world*, London: Nicholas Brealy Publishing, 1995, 271 p.
28. *Nihon Keizai Shinbun*. 11 June, 1996.
29. Pyle K. *Japan Rising: the resurgence of Japanese power and purpose*. New York: Public Affairs, 2007, 433 p.
30. Rozman G. China's changing images of Japan, 1989–2001: The struggle to balance partnership and rivalry. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2002, no. 1, pp. 95–129.
31. Rozman G. *Northeast Asian stunted regionalism: Bilateral distrust in the shadow of globalization*. New York: Cambridge University Press, 2004, 412 p.
32. *The diplomatic history of postwar Japan*, edited by Iokibe Makoto. London and New York: Routledge, 2009, 258 p.
33. *The Epoch Times*, 3 March, 2011.
34. *The Japan Times*, 19 January, 2002.
35. *The Japan Times*, 25 December, 2008.
36. *The Japan Times*, 29 November, 2004.
37. *The Japan Times*, 30 May, 2005.
38. *The U.S. Foreign Assistance Act*, 1961.
39. Tong X. *Japan's ODA and the Peoples' Republic of China: Strategic aid?: presented at the international conference on Japan's ODA to East Asian nations* (Bangkok, 21–22 March), 1991.
40. Trinidad D. Japan's ODA at the crossroads: Disbursement patterns of Japan's development assistance to Southeast Asia. *Asian Perspective*, 2007, vol. 31, no. 2, pp. 95–125.
41. Yahuda M. *The international politics of the Asia-Pacific*. London and New York: Routledge, 2011, 368 p.